УДК 82.3. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.2

А. В. Подворная[1]

[1]Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Своеобразие автобиографической книги Б. Г. Пантелеймонова «Приключения дяди Володи»

Аннотация. Цель статьи – показать своеобразие автобиографического цикла рассказов Б. Г. Пантелеймонова на фоне традиции литературы русской эмиграции. Проблема изучается историко-культурным и сравнительно-историческим методом. Отмечается своеобразие центральной фигуры цикла – дяди Володи – и ряд аллюзий на произведения Марка Твена. Повествование в автобиографической книге Б. Г. Пантелеймонова не столько опирается на традиции русской литературы, но и во многом задаётся контекстом детской приключенческой литературы, и в частности книгами Марка Твена.

Ключевые слова: Пантелеймонов, автобиографическая проза, русская зарубежная литература.

Дата поступления статьи: 3 марта 2020 г.

Для цитирования: А. В. Подворная (2020). Своеобразие автобиографической книги Б. Г. Пантелеймонова «Приключения дяди Володи» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 3. С. 18–23. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.2.

Совсем недавно в историю русской литературы было возвращено имя писателя-эмигранта Бориса Григорьевича Пантелеймонова, чья судьба тесно связана с Западной Сибирью. Б. Г. Пантелеймонов родился в селе Муромцево Тарского уезда, получил химическое образование, в советское время участвовал в строительстве заводов в разных уголках страны. В 1929 г. был направлен в научную командировку за границу, откуда не вернулся. Известно, что за границей он работал в поташной компании Палестины, занимаясь разработками месторождений Мертвого моря, а в 1937 г. переехал в Париж, где уже после войны с 1946 г. начал писать. «Литература как-то ошеломила Пантелеймонова. Он ушел в нее с головой, забросил свою большую химическую лабораторию», – писала Н. А. Тэффи [1, с. 312]. Пантелеймонов сблизился с литературными кругами русского Парижа, а с Н. А. Тэффи и И. А. Буниным его связывала сердечная дружба. В эмигрантских журналах начали печататься его рассказы, затем в парижском издательстве вышли книги «Зеленый шум» (1947), «Звериный знак» (1948), «Золотое число» (1949). Четвёртая, которую писатель готовил к изданию, «Последняя книга», была издана уже посмертно в 1952 г.

После выхода последней прижизненной книги Пантелеймонова Н. А. Тэффи писала: «Критики всех направлений и всех настроений отметили его исключительными похвалами. Много было серьезных споров о его стиле, чрезвычайно своеобразном. Но все разногласия примирялись на одном общем мнении: талантлив необычайно... Он уже занял место в первых рядах не зарубежной, а нашей большой русской литературы» [2, с. 280].

Сибирь в прозе этого «парижанина из Муромцева» стала не просто страницей биографии, но локусом духа. Профессор Н. Н. Мисюров справедливо отмечал, что в рассказах и повестях Пантелеймонова «с трепетной любовью» воссозданы «поэтические картины сибирской природы и гармоничного с ней человеческого бытия» [3, с. 5]. Впервые и сразу необычайно самобытно образы родной Сибири предстают в его рассказе «Святый Владимир». Это первый из автобиографических рассказов Пантелеймонова, стяжавший, по словам Г. Струве, «большой успех» [4, с. 261]. Затем были написаны и другие рассказы: «На Муромке», «Слово о дяде Володе» и др., – составившие своеобразный цикл о детстве писателя. При жизни автора эти рассказы были опубликованы в двух его первых книгах; вышел также отдельный сборник «Дядя Володя. Два рассказа», куда вошли «Святый Владимир» и «На Муромке». В первой книге Б. Г. Пантелеймонова, изданной в России в 1992 году,

«сибирские» автобиографические рассказы были уже опубликованы как единый сборник под названием «Приключения дяди Володи». В таком же виде они переизданы в трёхтомном собрании сочинений, вышедшем в Омском издательстве в 2014 году, под редакцией Н. Н. Мисюрова, И. А. Махнановой, В. И. Селюка [5].

Как известно, жанр художественной автобиографии был широко распространён в литературе русского зарубежья. На страницах произведений И. А. Бунина, А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, М. А. Осоргина возникала окрашенная лирическим чувством жизнь дореволюционной России. Общей тенденцией автобиографических произведений писателей старшего поколения стала «попытка художественного исследования процесса формирования личности при вхождении молодого человека в мир, пробуждения мироотношения и возникновения мировидения» [6, с. 297]. И хотя Б. Г. Пантелеймонов входит в литературу русского зарубежья уже после Второй мировой войны, возраст автора, круг близких по духу писателей (И. А. Бунин, Н. А. Тэффи), жанрово-стилевые и проблемно-тематические особенности его творчества позволяют причислить этого «парижанина из Муромцева» к писателям старшего поколения. Наиболее близок циклу рассказов Пантелеймонова, на наш взгляд, роман И. Шмелева «Лето Господне» и трилогия Б. Зайцева «Путешествие Глеба». Согласимся с Н. Н. Мисюровым, что проза Пантелеймонова «по духовному настрою и стилевой манере напоминает прозу Ивана Шмелева и Бориса Зайцева» [7, с. 6], и особенно эта близость улавливается в автобиографической прозе.

Автобиографические рассказы Б. Г. Пантелеймонова, собранные редакторами в прозаический цикл «Приключения дяди Володи», рисуют картину детства писателя, которое прошло в сибирском селе Муромцево на реке Тара: «...мы жили в селе Муромцеве, верст двести по реке от города Тары. Село Муромцево не очень большое, душ на тысячу. В центре, на базарной площади, наш дом – два этажа и мезонин (жутко было глядеть с такой высоты на площадь!» [7, с. 36]. Именно здесь, на вольной природе, прошли безмятежные детские годы писателя.

«Нас в семье было много. Не считая умерших – двенадцать братьев и сестра Ольга, младшая.

Отец путал нас, братьев. За столом показываю брату, будто разрезаю ножом суп, а он для смеху тычет в мой суп вилкой, и тарелка грохает на пол.

– Эй ты, как тебя там, – кричит отец, – Борис или Василий, пшел в угол!

Бедный отец, у него – как в семье сороконожки: сорок калошек, сорок рубашек, всем по котлетке. Беда!» [7, с. 35, 36]

Герой книги, мальчик Борис, предельно близок автору, повествование ведётся от первого лица, перед нами история становления души ребёнка в её взаимоотношении с миром. Сохраняется в книге и характерный для художественной автобиографии принцип «двойного зрения»: бывшего «я» и нынешнего. У мальчика Бориса, так же, как у Вани из романа И. С. Шмелева «Лето Господне», есть свой наставник, и это родной дядя – дядя Володя:

«Дядя, Владимир Алексеич, несмотря на почтенные годы (в то время сорок пять – как теперь шестьдесят), был холост, сильно зашибал, даже до запоя, весельчак, и как запоет, бывало, под гитару «Не брани меня, родная», до слез растрогает.

<...> Дядя Володя... У меня долго хранилась карточка: гигант, а на коленях у него дюжина ребят. Один из них выпучил глаза на фотографа – я самый и есть» [7, с. 35, 36].

Каждый из рассказов посвящён необычному предприятию, которое затевает дядя Бориса. «Он первый «мореплаватель» по реке Таре. Он основатель конского завода для деревенских лошаденок. Он мечтает о подводной лодке, привязанной к воздушному шару, – если станет тонуть, шар её вытянет. Он изобретает водяную мельницу, на которую сверху насаживает ветряк. Три месяца работает вода, а девять ветер» [8, с. 271]. Все эти истории рассказаны с мягким юмором и любовью от лица восторженного племянника, обязательного участника всех описываемых событий. За всеми приключениями дяди Володи скрывается умение расцвечивать жизнь силой мечты и фантазии, выгонять из жизни «все дряхлое», печальное. Через общение с дядей к Борису приходит умение видеть в жизни её светлую сторону, дремлющее во всех вещах добро.

«Дядя Володя! Много я перевидал, много знаю, и сердце поцарапано, – попадался, и не раз, в западню – любовь – но только ваши фантастические рассказы я вспоминаю с таким сердечным жаром. И в чудесное я с тех пор влюбился и всю жизнь им болею» [7, с. 35, 36].

Л. И Бронская отмечает, что в творчестве писателей-эмигрантов, в т. ч. И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, формируется новый тип автобиографической прозы по сравнению с тем, который возник в русской литературе середины XIX века. Писателей первой половины XX века, как и писателей-классиков, «интересует чувственный мир ребенка, его детские горести и радости, сложности взаимоотношений со взрослыми, первые встречи с вневременными константами». Но писатели-эмигранты обладают иным опытом, для них важно сохранить память о дореволюционной России и её национальное самосознание [9]. И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев стремились создать «эпос русской жизни, окрашенный лирическим чувством повествователя» [6, с. 297], в их книгах отчётливо присутствует идеализация утраченного русского мира. «Лад» пантелеймоновской автобиографической книги иной, самобытный. И прежде всего этого касается центральной фигуры – дяди Володи.

Необычность, новизну этого образа отмечала Н. А. Тэффи. «Дядя Володя, – писала она, – фигура в нашей литературе новая. Выхваченный из русской коренной жизни и художественно зафиксированный, он может войти в литературную галерею русских типов, как, скажем Ноздрев, генерал Иволгин или Манилов. Станет именем нарицательным» [8, с. 271] .

Действительно, можно согласиться с Н. А. Тэффи, что дядя Володя наделён исконно русскими национальными чертами, но общерусская склонность к размаху, широта души осмыслена Б. Г. Пантелеймоновым как свойство «сибирской души». Любопытно, что, отмечая коренную «русскость» дяди Володи, Тэффи называет его братом по духу «диккенсовскому Пиквику» [8, с. 271], а Л. Е. Галич – «Дон Кихотом из села Муромцево» [10, с. 325]. Критики почувствовали принадлежность образа дяди Володи традиции не только русской, но и мировой литературы. Нам хотелось обратить внимание на другую традицию – по-новому высвечивающую сибирскую топику и характер главного героя. Этот контекст задаётся автором открыто уже с первых строчек рассказа «Святый Владимир»:

«У Марка Твена – помните путешествие бродячего театра – баржи по Миссисипи? Помните эту поэзию реки, капитанов, содружество артистов, трогательную наивность публики? Кто читал – разве забудет?

А вот история другого «капитана», моего дяди. Но не на реке Миссисипи, а на реке Таре, что впадает в Иртыш» [7, с. 35].

Этот зачин и фрагмент рассказа о реке Таре напоминают начало сборника автобиографических рассказов М. Твена «Жизнь на Миссисипи». Перед тем как поведать историю своей юности, первые страницы Твен посвящает описанию самой реки Миссисипи. Он подчеркивает, что это самая длинная, самая извилистая река в мире, приводит данные о её ширине и глубине в разные времена года. Отголоски твеновского «поэтического гимна» реке слышны в лирическом описании Тары:

«Тара – сажень сто от села. Один берег (как всегда, западный) крутой, наш – пологий. В августе мы переходили Тару, не опуская застенчивой руки с «огольца». Зато в апреле – мае это была мощная река. Хорошо было на тот берег ходить. Обрыв, как простреленный, весь в дырках – норки стрижей. Если засунуть руку в такую дырку, клок перьев вытащишь, а то птенца или горстку мелких яиц. <…>

Весной медленно катит Тара к Иртышу свои волны, и паромщик запускает шест на сажень – достать песчаное дно. А дальше за селом начиналась сказка. На берегу уже не белеет гусиный пух, нет кучек навоза, ни конского, ни коровьего, – все живет непритронуто. Ивы обвисают над рекой, корни березки, обнаженные очередным обвалом, и синие пахучие елки. Трава, не боясь, подходит к самому обрыву, и у травы свое царство: близорукий кузнечик, под боярышню вырядилась божья коровка, бабочка – бумажка, носимая ветром» [7, с. 36, 37].

Начало рассказа Пантелеймонова строится на переплетении мотивов по крайней мере из двух произведений Марка Твена, входящих в его трилогию о Миссисипи:

это упомянутая «Жизнь на Миссисипи» и «Приключения Гекльберри Финна». На роман о Гекльберри Финне намекает упомянутое «путешествие бродячего театра-баржи по Миссисипи». Вероятно, это отсылка к истории о том, как во время плавания Гека и Джима на плоту к ним присоединились два мошенника, называвшие себя король и герцог, дававшие представления наивной публике. Но в рассказе Пантелеймонова эта история приобретает романтическую окраску. На наш взгляд, можно уловить аллюзии на «Приключения Гекльберри Финна» и в повествовании о том, как Борис с дядей в Таре посетили представление «индийского факира, придворного фокусника» Али-Хан-Барабы. Эта сцена напоминает эпизод посещения цирка Геком в Арканзасе, и при этом Пантелеймонов опять сближает Сибирь и Америку в диалоге фокусника и Бориса:

«– Здравствуйте, молодой человек, – приветствовал меня Али-Хан-Бараба, – вы откуда будете?

– Из Муромцева, – краснея, отвечаю басом.

– Из Муромцева? Это где же, в Америке?

– Село Муромцево Бергамацкой волости Тарского уезда, – становясь как пион и чувствуя себя в ловушке, отвечаю я» [7, с. 52].

Ряд исследователей справедливо отмечает близость автобиографических рассказов Пантелеймонова традиции детской приключенческой литературы, значимое место в которой принадлежит Марку Твену. На книгах Твена выросло не одно поколение русских читателей, в том числе и Б. Г. Пантелеймонов. Первый русский перевод «Приключений Тома Сойера» вышел в России в 1877 г. и сразу полюбился не только взрослой, но и детской читательской аудитории наряду с популярными Майн Ридом и Ф. Купером. Со слов А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилев, к примеру, называл «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» «Илиадой и «Одиссей» детства [11, с. 136]. Открыто заявленный в начале рассказа «Святый Владимир» «твеновский» подтекст позволяет предположить, что романы американского писателя о Томе и Геке становятся традицией, задающей художественную стратегию «Приключений дяди Володи». Иными словами, Пантелеймонов пишет о детстве в духе тех книг, которые в детстве читал.

Автобиографические рассказы Пантелеймонова сближает с прозой Марка Твена и удивительное чувство юмора. К. И. Чуковский писал, что Твен в своих книгах «любовно смеется над тем, что ему близко и дорого, и потому они проникнуты такой задушевностью, что на всём земном шаре стали любимыми книгами и взрослых, и подростков, и детей»[11, с. 19]. С таким же «чудесным, мягким юмором», вызывающим улыбку, пишет о своём сибирском детстве и Б. Г. Пантелеймонов. Именно эта близость позволила профессору Оклахомского университета Г. Уиэнсу назвать Б. Г. Пантелеймонова «М. Твеном в его лучших произведениях» [13, с. 366].

Традиция Твена оказывается не единственной в рассказах Пантелеймонова. Контекст приключенческой литературы, который вводится в повествование имплицитно, достаточно широк. В рассказе «На Муромке», сюжет которого строится вокруг организации конного заводика по выращиванию породистых лошадей, Борис представляет себе жизнь на Муромке в духе книг Ф. Купера, а тема поисков золота в рассказе «Большая Елань» решается в традиции Дж. Лондона.

Таким образом, повествование о сибирском детстве в автобиографической книге Б. Г. Пантелеймонова не столько опирается на традиции русской литературы, сколько задаётся контекстом детской приключенческой литературы – книгами Марка Твена, Ф. Купера других авторов.

Источники

1. Тэффи Н. А. Мой друг Борис Пантелеймонов // Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Омск, 2014. С. 310–319.

2. Тэффи Н. А. «Золотое число» // Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Омск, 2014. С. 274–280.

3. Мисюров Н. Н. О Борисе Григорьевиче Пантелеймонове с любовью и почтением // Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Омск, 2014. С. 5–10.
4. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж : YMCA-Press ; М. : Русский путь, 1996. 448 с.
5. Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Омск, 2014:
Т.1 – 464 с.
Т. 2 – 429 с.
Т. 3. – 430 с.
6. Русская литература XX века / под ред. С. И. Тиминой. М. : Изд. центр «Академия», 2011. 368 с.
7. Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. Омск, 2014. 464 с.
8. Тэффи Н. А. «Зеленый шум» // Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Омск, 2014. С. 269–274.
9. Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин. [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.01.01 : [место защиты : Ставроп. гос. ун-т] / Людмила Игоревна Бронская. Ставрополь, 2001. 41 с. URL: https://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-lichnosti-v-avtobiograficheskoi-proze-russkogo-zarubezhya-i-s-shmelev-b-k-zaits (дата об-ра-щения : 03.03.2020)
10. Галич Л. Е. Как и каким увидел я Пантелеймонова // Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Омск, 2014. С. 319–335.
11. В сторону Твена. «Неповторимый летописец» Америки в зеркале русской литературы и критики. М. : Рудомино, 2008. 271 с.
12. Пантелеймонов Б. Г. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3. Омск, 2014. 431 с.

Информация об авторе

Подворная Алла Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии. Омский государственный педагогический университет (644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14). ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6030-5362. E-mail: alla_omsk@bk.ru

A. V. Podvornaya[1]

[1]Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Originality of autobiographical prose by B. Panteleimonov

Abstract. The purpose of the article is to show the originality of the autobiographical cycle of B. Panteleimonov's stories against the background of the Russian emigration literature tradition. The problem is studied with the help of historical, cultural, comparative historical and culturological methods. The author notes the peculiarities of uncle Volodya as the central figure of the cycle as well as some allusions to the works of M. Twain. The narrative in the autobiographical book by B. Panteleimonov is not mainly based on the Russian literature traditions, but is largely set by the books of M. Twain.

Keywords: B. Panteleimonov, autobiographical prose, Russian foreign literature.

Paper submitted: March 3, 2020

For citation: Podvornaya A. V. (2020). Originality of autobiographical prose of B. Panteleimonov. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 3, pp. 18–23. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.2.

References

1. Teffi N. A. My friend Boris Panteleimonov. Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol., Omsk, 2014, vol. 3, pp. 310–319.
2. Teffi N. A. The Golden number. Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol. Omsk, 2014,vol. 3, pp. 274–280.
3. Misyurov N. N. About Boris Grigoryevich Panteleimonov with love and respect. Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol. Omsk, 2014, vol. 1, pp. 5–10.
4. Struve G. P. Russian literature in exile. Paris : YMCA-Press ; Moscow, Russian way Publ., 1994, 448 p.
5. Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol., Omsk. 2014:
Vol. 1 – 464 p.
Vol. 2 – 429 p.
Vol. 3. – 430 p.
6. Russian literature of the XX century / ed. by S. I. Timina. Moscow, Academia Publ., 2011, 368 p.
7. Panteleimonov B. G. Collected works: in 3 vol. Omsk, 2014, vol. 1, 464 p.
8. Taffy N. A. «Green noise» Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol. Omsk, 2014, vol. 3, pp. 269–274.
9. Bronskaya L. I. The Concept of personality in autobiographical prose of the Russian emigration: I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev, M. A. Osorgin. [Elecrtonic resource]: Dissertation abstract for the degree of doctor of philological science: 10.01.01 : [Stavropol State University] / Lyudmila Igorevna Bronskaya. Stavropol, 2001, 41 p. URL: https://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-lichnosti-v-avtobiograficheskoi-proze-russkogo-zarubezhya-i-s-shmelev-b-k-zaits (accessed 03.03.2020)
10. Galich L. E. The way I saw Panteleimonov. Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol. Omsk, 2014, vol. 3, pp. 319–335.
11. In Mark Twain's direction. The «Unique Chronicler» of America in the Mirror of Russian Literature and Criticism. Moscow, Rudomino Publ., 2008, 271 p.
12. Panteleimonov B. G. Collected works : in 3 vol. Omsk, 2014, vol. 3, 431 p.

Information about the author

A. V. Podvornaya
Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor. Omsk State Pedagogical University (14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation). ORCID ID: https:// orcid.org/0000-0002-6030-5362. E-mail: alla_omsk@bk.ru

© А. В. Подворная, 2020